

экономическому и социальному развалу. К сходному выводу приходит и А.В. Репников: «Фиксируя в своих записях отсутствие у России каких-либо демократических традиций, он приходит к выводу о неизбежности установления диктатуры, если не одного пролетариата, то малоимущих классов в целом, что, по его мнению, должно было неизбежно привести к потрясениям» (2).

1. Дневник Л.А.Тихомирова. 1915-1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М, 2008. С. 38.
2. Там же. С. 40.
3. Там же. С. 47.
4. Там же. С. 48.
5. Там же. С. 51.
6. Там же. С. 54-55.
7. Там же. С. 55.
8. Там же. С. 58-59.
9. Там же. С. 71.
10. Там же. С. 65.
11. Там же. С. 72.
12. Там же. С. 72.
13. Там же. С. 72.
14. Там же. С. 72.
15. Там же. С. 86.
16. Там же. С. 106.
17. Там же. С. 98.
18. Там же. С. 211.
19. Там же. С. 331.
20. Там же. С. 343.
21. Репников А.В. Предисловие // Дневник Л.А. Тихомирова. 1915-1917 гг. – М, 2008. С. 23.

**Новокрещенова Е.Н.
(Оренбург)**

Налогообложение единоличных хозяйств в 1930-е гг. в Оренбуржье

Базовым крестьянским налогом в период 1931-1938 гг. оставался сельскохозяйственный налог, который в 1931 г. все еще именовался единым, но в 1932 г. в связи с абсолютной очевидностью его не единственности лишился данного определения (1).

Сельскохозяйственный налог платили колхозы, колхозники и

единоличники, кроме того, существовали местные налоги и графа поступлений, обозначаемая как «прочие налоговые доходы». В своей совокупности они, по подсчетам К.Н. Плотникова давали около 210 млн. рублей (2). При этом было необходимо учитывать, что и сам сельскохозяйственный налог возрастал из года в год. Так, платежи сельскохозяйственного налога колхозами составили в 1931 г. 77 млн рублей, в 1932 г. – 121,5 млн рублей (3).

Практически каждая семья сельской местности продолжала вносить в местные бюджеты средства в порядке самообложения (4).

В 1931 г. был проведен единовременный сбор на нужды хозяйственного и культурного строительства в деревне, который с 1932 г. превратился в ежегодный культсбор (5).

Налоговый характер взимания имело обязательное окладное страхование, принадлежавших единоличникам и колхозникам строений, лошадей, крупного рогатого скота и посевов (6).

Основным из местных налогов являлся налог со строений и земельная рента. Налогом со строений облагались жилые дома с предельной ставкой налога от 0,75 до 1% к балансовой стоимости строения, но без скидки на амортизацию (7).

Земельная рента дополняла налог со строений, так как ею облагались застроенные и незастроенные участки. Предельные ставки земельной ренты были дифференцированы в зависимости от назначения земельных участков и от называемых поясов местностей с колебанием от 0,5 копеек до 3 рублей 50 копеек с одного квадратного метра земельной площади (8).

До принятия Конституции СССР 1936 г., уравнившей всех граждан страны в избирательных правах, жителей деревни, до этого времени не имеющих таковых, привлекали к уплате сбора с лиц, лишенных права быть сельисполнителями, а также военного налога с граждан, зачисленных в тыловое ополчение (9).

Единовременный налог на единоличные крестьянские хозяйства взимался сначала в 1932 г. (10), а затем в 1934 г. (11).

С 1938 г. началась уплата государственного налога на лошадей единоличных хозяйств (12).

Право на ловлю рыбы давали единый рыболовный (13) и билетный сборы.

С 1931 г. кампания по сбору крестьянских налогов перестала по времени совпадать с окладным годом, который официально начинается 1 января и заканчивается 31 декабря текущего

календарного года (14).

Налоговая же кампания фактически стартовала после утверждения ЦИК и СНК СССР весной - в начале лета Положения о сельскохозяйственном налоге на очередной год. Летом проводился учет объектов обложения сельхозналогом, а затем - осенью и в начале зимы - осуществлялась его уплата. Тогда же крестьяне платили суммы, причитающиеся с них по самообложению, обязательному окладному страхованию, единовременным налогам на единоличные хозяйства 1932 и 1934 гг., госналогу на лошадей. Культсбор взимался в начале следующего окладного года. Однако поскольку сумма последнего привязывалась к размерам сельхозналога за предыдущий год и соответственно определялась по доходам, полученным в этом году, то по существу он не начал новую налоговую кампанию, а завершал старую.

Помимо вышеуказанных налогов и сборов сталинский режим в качестве инструментов прямого изъятия денежных средств села продолжал использовать государственные займы, паевые взносы в кооперацию и другие внебюджетные платежи, формально имеющие добровольный характер.

Основным денежным налогом, взимаемым с коллективных хозяйств в 1931 - 1935 гг., оставался сельскохозяйственный налог. В 1936 г. он был заменен на подоходный налог с колхозов (15).

Хозяйства, занимающиеся рыболовством в промышленных размерах, платили единый рыболовный сбор (16).

Колхозное имущество (производственные и служебные строения, сельхозинвентарь, рабочий и продуктивный скот, включая мелкий, посеvy) также подлежало обязательному окладному страхованию.

В 1937 г. ЦИК и СНК СССР передали ранее выполняемые сельсоветами функции исчисления и взимания налоговых платежей с жителей деревни финансовым органам. В этом же году отменили административный порядок наложения штрафов на колхозы, колхозников и единоличников в связи с укрытием объектов обложения и неуплатой налогов в срок и конфискации имущества в погашение недоимок. Впредь штрафовать хозяйства, и изымать у них имущество можно было только по решению суда (17).

С начала 1931 г. большевистский режим вновь раскрутил маховик массовой коллективизации. Одним из наиболее действенных инструментов стимулирования крестьян-единоличников к вступлению в колхозы стал все возрастающий налоговый нажим (18).

От обложения не спасало даже то, что абсолютное большинство из них разорилось и превратилось в бедняков. Власти по-прежнему часть единоличников относили в разряд кулаков, несмотря на их очевидную бедность, полагая, что «сознательные» бедняки должны войти в колхозы, и поэтому постоянно снижали долю дворов, налогов не уплачивающих. В связи с Положением о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. не предусматривался объективный критерий освобождения от обложения - необлагаемый минимум годового дохода. В этом году налог не взимался с хозяйств, сумма обложения которых не превышала 1 руб. С 1932 г. перестал действовать и данный критерий (19).

Право полного или частичного освобождения от уплаты налогов «отдельных маломощных хозяйств» отдавалось на субъективное усмотрение сельских налоговых комиссий. При этом вопрос о наличии оснований для этого должен был обсуждаться и проверяться на собрании «бедноты, колхозников и актива середняков». Кроме того, право на полное или частичное освобождение от уплаты сельхозналога имели семьи, в состав которых входили лица, награжденные орденами и почетным оружием, герои труда, военнослужащие, бывшие красногвардейцы и красные партизаны, инвалиды войны и труда, а также хозяйства, пострадавшие от стихийных бедствий (размер скидки определяла сельская налоговая комиссия в зависимости от размера ущерба и «мощности» хозяйства) (20). От уплаты налога освобождались семьи сельских активистов (вдовы и несовершеннолетние дети) и работники леса, погибшие при исполнении служебных обязанностей (21).

Освобождение двора от уплаты сельхозналога не являлось основанием того, чтобы с него не взимались другие налоги и сборы. Размер культсбора с подобных хозяйств в 1931 г. составлял 5 руб., самообложения - от 6 до 10 руб., в 1932 г. - соответственно от 8 до 16 руб. и от 8 до 12 руб. (22).

В 1932 г. для наиболее неимущей части крестьян, привлекаемых к уплате сельхозналога, отменялось действие прогрессивно-подходной шкалы его исчисления. Если в предыдущий период с каждых первых 25 руб. учтенного годового дохода бралось по 4 коп. налога, а с каждого следующего рубля от 25 до 100 руб. - по 7 коп. и т.д., то теперь все хозяйства с годовым доходом менее 100 руб., но тем не менее от налога не освобожденные, должны были заплатить государству так называемую твердую ставку в 7 руб. вне зависимости

от того, сколько они за год заработали, 10 или 99 руб. (23). Новая шкала ставок предусматривала увеличение прогрессии и для более доходных хозяйств. В 1932 г. была принята следующая шкала ставок сельхозналога для единоличных хозяйств (25): ставка подоходного обложения в своем минимуме (до 100 рублей) составляла 7 рублей, в максимуме (свыше 700 рублей) – 125,5 рублей с дополнением 32 копеек с каждого рубля. Таким образом, разница между нижней и верхней ставками налога составляла почти 18 рублей.

При этом предварительный вычет 20 руб. дохода на каждого едока отменялся, а скидки с исчисленной суммы налога предоставлялись не в связи с многолюдностью хозяйства, а при условии наличия в нем более двух нетрудоспособных членов. После исчисления налога по вышеприведенной шкале ставок хозяйствам, в состав которых входило два нетрудоспособных члена, предоставлялась скидка в 5%, три нетрудоспособных члена - 10, четыре и более - 15% оклада (25). В 1931 - 1932 гг. изменились и ряд других условий обложения сельхозналогом единоличных дворов. Еще более уплотнился график его сдачи. Крестьянам Оренбуржья 40% суммы, предъявленной к уплате, надлежало внести до 1 октября и еще 60% - до 15 ноября (25). Повысились нормы вмененной доходности ряда объектов обложения (огородов - в 1,5 раза) (26).

С 1931 г. при исчислении сельхозналога стали учитываться доходы от продажи произведенных крестьянами сельхозпродуктов на рынке по ценам, превышающим государственные и кооперативные заготовительные цены (т.н. конъюнктурные доходы). При этом первоначально вводилось ограничение, согласно которому сумма подобного рода заработков, включаемая в годовую облагаемую базу, не должна была превышать облагаемые доходы от остальных видов деятельности более чем на 75% (27). В Положении о сельхозналоге на 1932 г. данный лимит повысился до 100%. Кроме того, в 1931 г. отменили процентные надбавки для трудовых единоличных хозяйств с общим облагаемым доходом от сельхозпроизводства свыше 500 руб. в силу практически полного отсутствия таковых (28). Изменения порядка исчисления сельхозналога привели к тому, что, несмотря на прогрессирующий процесс обнищания единоличников, его сумма не только не снизилась, но даже несколько повысилась. В 1931 г. в Оренбуржье в расчете на одно трудовое хозяйство она составляла 12 руб. 80 коп., а в 1932 г. - 13 руб. 42 коп. (29). Это было значительно больше уровня обложения более нищих колхозных дворов, имеющих

так называемые необобществленные источники дохода (в 1930/31 г. один такой двор в среднем платил 94 коп., в 1931 г. - 1 руб. 8 коп, в 1932 г. - 3 руб. 65 коп.), но тем не менее на порядок меньше налоговых сумм, причитающихся с хозяйств, квалифицируемых как кулацкие (30).

Для большинства единоличников, уплачивающих сельхозналог, его сумма определяла размеры других крестьянских налогов. Культсбор 1931 г. в Оренбургском округе составлял 55%, самообложение 1931 г. - от 50 до 100%, культсбор 1932 г. - 100% оклада сельхозналога (31). С хозяйств, которые облагались по прогрессивным ставкам по единовременному налогу на единоличные крестьянские хозяйства 1932 г. взималось от 100 до 175% оклада сельхозналога, по самообложению 1932 г. - от 100 до 150% его оклада, по культсбору 1933 г. - от 75 до 200% (облагаемые по семирублевой твердой ставке платили соответственно от 12 до 18 и от 15 до 60 руб.) (32). В 1933 г. твердая ставка сельхозналога повысилась до 15 руб., а уровень годового дохода, после которого начинала действовать подоходно-прогрессивная шкала определения ставок налога, увеличилась до 200 руб. (33). Таким образом, давление налогового пресса на беднейшую часть единоличников еще более усилилось. Увеличилась прогрессия обложения и для остальных плательщиков. В 1933 г. была принята следующая шкала ставок сельхозналога для единоличных хозяйств (34): ставка подоходного обложения в своем минимуме (до 200 рублей) составляла 15 рублей, в максимуме (свыше 700 рублей) – 125 рублей с дополнением 33 копеек с каждого рубля. Таким образом, разница между нижней и верхней ставками налога составляла почти 8,5 рублей.

Кроме того, выросли предельные размеры самообложения 1933 г. и культсбора 1934 г. для крестьян, облагаемых по твердой ставке (соответственно с 18 до 20 руб. и с 60 до 80 руб.) (35).

В то же время в Положении о сельхозналоге на 1933 г. предусматривалось некоторое облегчение условий обложения крестьян, имеющих неземледельческие заработки (включая и конъюнктурные) - существенно уменьшалась доля включения этих заработков в облагаемую базу. В 1933 г. в облагаемую базу включалось не менее 20 и не более 30% заработков от кустарно-ремесленных промыслов и на более 30% заработков от отхожих промыслов не по найму (36). Лимит включения конъюнктурных доходов составил 30% общей суммы остальных учтенных доходов. В

1932 г. лимиты включения составляли - соответственно от 40 до 60%, 40% и 100% (37).

Тем не менее, подобная мера к снижению податного бремени не привела. Напротив, более полный, чем в предыдущий период, учет неземледельческих доходов в сочетании с повышением ставок вызвали значительный рост уровня налогообложения. Соответственно увеличились и взаимосвязанные с окладом сельскохозяйственного налога самообложение и культсбор. Ситуацию не изменило и некоторое снижение их верхних пределов для крестьян, облагаемых налогом по прогрессивным ставкам (по самообложению 1933 г. - до 100%, по культсбору 1934 г. - до 175% оклада) (38).

Рост налоговых сумм, взимаемых с единоличных дворов, отражал не только увеличение уровня обложения, но и некоторое улучшение их положения. Пережив кошмар первых лет коллективизации, крестьяне, оставшиеся единоличниками, приспособились к создавшимся условиям, а многие из них стали постепенно наращивать свою состоятельность. Подобная ситуация была связана с ослаблением как экономического, так и политического давления на единоличное крестьянство. Основные усилия режима переключились на т.н. организационно-хозяйственное укрепление колхозов, их чистку от «классово чуждых и разложившихся элементов» и «социалистическое воспитание» колхозников.

Относительное улучшение положения единоличного крестьянства по сравнению с колхозным вкуче с массовыми чистками колхозов привели к замедлению и даже приостановке темпов коллективизации. Сложившаяся в 1933 - 1934 гг. в деревне ситуация вскоре вызвала негативную реакцию центральных органов партийного и государственного управления. Для ее исправления было решено увеличить уровень налогообложения единоличников (39).

Поставленная задача начала реализоваться в рамках сельскохозяйственного налога 1934 г. Положение о нем предусматривало более существенное, чем ранее, повышение норм вмененной доходности растениеводства. Несколько модифицировались и параметры учета доходов от неземледельческих заработков. От кустарных промыслов в облагаемую базу включалось 30% годового дохода за вычетом основных производственных расходов (в 1933 г. - от 20 до 30%) (40). Что же касается доходов, полученных единоличниками от продажи сельхозпродуктов по рыночным ценам, то по-прежнему лимит их включения в

налогооблагаемую базу составлял 30% годового облагаемого дохода данного хозяйства от сельхозпроизводства и кустарных промыслов. Однако с 1934 г. краевые и областные исполкомы получали право «для отдельных пригородных районов со значительным развитием доходов единоличных хозяйств от продажи сельскохозяйственных продуктов по ценам, складывающимся на рынке, повышать указанный процент остального облагаемого дохода хозяйства» (41).

Кроме того, в новом окладном году с 15 до 25 руб. увеличивала твердая ставка налога для единоличников с облагаемым доходом менее 200 руб., а также в сторону повышения прогрессии изменилась и подоходная шкала его исчисления для хозяйств с большим доходом.

В 1934 г. была принята следующая шкала ставок сельхозналога для единоличных хозяйств (42): ставка подоходного обложения в своем минимуме (до 200 рублей) составляла 25 рублей, в максимуме (свыше 700 рублей) – 125 рублей с дополнением 35 копеек с каждого рубля. Таким образом, разница между нижней и верхней ставками налога составляла 5 рублей.

Нововведение вносились и в порядок самообложения единоличников. Крестьяне, освобожденные от сельхозналога и облагаемые им по новой ставке, объединялись в одну группу, размер данного сбора для которой устанавливался в пределах от 12 до 50 руб. Лимит сбора с единоличников, облагаемых по прогрессивным ставкам, составил 100% оклада сельхозналога (43).

Изменения, внесенные в налоговое законодательство, в сочетании с тщательным, неоднократно перепроверяемым и жестко контролируемым сверху учетом сельскохозяйственных и неземледельческих объектов обложения, дали двукратный рост размеров сельскохозяйственного налога. Почти в 2 раза увеличилось самообложение единоличников. Выросли в 1934 г. и тарифы обязательного окладного страхования единоличных хозяйств (44).

В те годы считалось, что доходность единоличных хозяйств в описываемый период повысилась, поэтому нормы доходности от объектов обложения и ставки сельскохозяйственного налога были также повышены. Если в целом по стране в 1932 г. единоличник уплачивал в общей сложности 1180,1 млн рублей, то в 1933 – 1221,7 млн рублей, в то время как колхозы платили соответственно 121,5 млн рублей и 222,6 млн рублей.

Однако на этом наступление на единоличную деревню не закончилось. В конце сентября 1934 года ЦИК и СНК СССР приняли

решение о введении дополнительного («единовременного») денежного налога на единоличные крестьянские хозяйства. Размеры налога для единоличных дворов, относимых к категории трудовых, дифференцировались следующим образом (45):

1. Для хозяйств, уплачивающих сельхозналог по твердой ставке: а) не имеющих рабочего скота и рыночных доходов – от 15 до 25 руб.; б) без рабочего скота, но имеющих рыночные доходы – от 30 до 50 руб.; в) имеющих рабочий скот – от 50 до 125 руб.

2. Для хозяйств, уплачивающих сельхозналог по прогрессивным ставкам: а) не имеющих рабочего скота и рыночных доходов 75-100% оклада сельхозналога 1934 г.; б) имеющих рабочий скот или рыночные доходы – от 100 до 175% оклада 1934 г.

Таким образом, принципиально новым в системе взимания данного налога стало особое обложение дворов, имеющих рыночные доходы или рабочий скот. При этом платить они должны были гораздо больше тех, кто таковых не имел. Самые высокие ставки предназначались для единоличников, владеющих рабочим скотом. В Оренбуржье это в абсолютном большинстве случаев была лошадь, которая позволяла своему хозяину найти заработок на стороне (перевозка пассажиров, грузов, работа на строительстве и т.д.) и тем самым обеспечить своей семье более высокий уровень материального благосостояния, чем у колхозников.

При этом меры по взысканию налогов были весьма жесткими. Так, в разъяснении НКФ РСФСР специально отмечалось, что «в хозяйствах единоличников, в которых к моменту проведения госналога на лошадей пала лошадь, не привлекаются к обложению на лошадей в том случае, если падеж признан страховой комиссией стихийным бедствием...» (46).

Хозяйства, «злостно» не выполняющие посевные планы и обязательства по госпоставкам сельхозпродукции, облагались единовременным налогом «на общих основаниях» (т.е. в соответствии с вышеназванными категориями), но его сумма удваивалась. Единоличникам «с большими денежными доходами» местные органы в районах могли в полтора раза увеличивать ставки налога. Чтобы заставить крестьян вовремя и в полном объеме платить старые и новые налоги и подати, еще накануне введения единовременного налога был кардинально пересмотрен перечень имущества трудовых единоличных хозяйств, которое не подлежало конфискации в погашение недоимок. Теперь за неуплату налогов у них можно было

экспроприировать все имущество, за исключением дома, топлива для его отопления и предметов домашнего обихода (47).

Следующим актом наступления на единоличников стал культсбор 1935 г. Он взимался практически по той же схеме, что и единовременный налог, но при этом учитывалось наличие в хозяйстве не только рабочего скота и рыночных доходов, но и неземледельческих занятий. Дворы, облагаемые сельхозналогом по твердой ставке, но не имеющие рабочего скота и неземледельческих заработков, платили от 15 до 50 руб.; без рабочего скота, но имеющие рыночные или неземледельческие доходы - от 30 до 60 руб.; имеющие рабочий скот - от 75 до 125 руб. С хозяйств, уплачивающих сельхозналог по прогрессивным ставкам, но не имеющих рабочего скота, рыночных и неземледельческих доходов, взималось от 75 до 100% оклада сельхозналога; имеющих рабочий скот или рыночные и неземледельческие доходы - от 100 до 175%. Культсбор 1935 г. был в 2,6 раза больше прошлогоднего. Общие же размеры обложения единоличных крестьянских хозяйств основными видами денежных налогов в кампанию 1934/35 гг. в 3 раза превышали уровень предыдущей (48).

Наступление продолжилось и в следующем году. Единовременный налог в 1935 г. взиматься не стал, но он был с лихвой перекрыт кардинально реформированным применительно к единоличникам сельскохозяйственным налогом. Прежде всего, увеличились нормы вмененной доходности. С 4 до 3 лет снижался возраст лошадей, подлежащих обложению. Доходы от кустарных промыслов включались в облагаемую базу в размере от 50 до 100% полученных заработков за вычетом основных производственных расходов. Что же касается доходов от продажи сельхозпродуктов по рыночным ценам, то они перестали соотноситься с доходами от остальных видов деятельности и включались в облагаемую базу в размере с 50 до 75% учетных показателей (49).

Налог 1935 г. с единоличников исчислялся по новой таблице ставок.

Годовой облагаемый доход до 800 руб. делился на 28 разрядов, каждому последующему из которых соответствовала новая твердая ставка обложения. С дохода в 801 рубль начинала действовать прогрессивная подоходная шкала обложения (50). Положением о сельхозналоге на 1935 г. была принята следующая шкала ставок обложения единоличных хозяйств: фиксированные (твердые) ставки

подходного обложения в своем минимуме (до 100 рублей) составляла 15 рублей, в максимуме (свыше 700 рублей) – 196 рублей. Таким образом, разница между нижней и верхней ставками налога составляла почти 13,5 рублей. Прогрессивные ставки подходного обложения в своем минимуме (до 800 рублей) составляла 196 рублей, в максимуме (свыше 3000 рублей) – 1200 рублей с дополнением 55 копеек с каждого рубля. Таким образом, разница между нижней и верхней ставками налога составляла почти 16 рублей.

Ряд изменений вносился в порядок предоставления льгот и скидок единоличникам. Хозяйству, которое имело не более двух трудоспособных, налог снижался на 10%, в том случае, если оно имело еще 3-х нетрудоспособных членов, и на 20%, если нетрудоспособных насчитывалось 4 и более человека (в 1934 г. эти скидки составляли соответственно 20 и 30%). Появились в Положении о сельхозналоге и критерии, в соответствии с которыми единоличный двор относился к маломощным и в связи с этим полностью или частично освобождался от его уплаты. Подобная льгота применялась только к семьям, не имеющим в своем составе ни одного трудоспособного члена и к тому же не содержащим крупного рогатого скота (51).

Новации касались также самообложения и культсбора, твердые ставки обложения которыми были отменены. Размер самообложения 1935 г. для всех единоличных хозяйств, уплачивающих сельхозналог, устанавливался в пределах от 40 до 60% его оклада. По культсбору 1936 г. с единоличников без рабочего скота, рыночных и неземледельческих доходов взималось от 75 до 100% суммы сельхозналога за предыдущий год, с единоличников, имеющих таковые - от 100 до 175%.

В 1935 г. на одно облагаемое, в обычном порядке хозяйство единоличников Оренбургской области среднем было начислено 166 руб. сельхозналога (52). Сумма трех основных денежных налогов и сборов в расчете на один двор в кампанию 1935/36 г. в 1,5 раза превышала прошлогоднюю.

Усиление налогового пресса вызвало нарастающее сокращение числа единоличных крестьянских дворов. Уровень коллективизации вырос. Крестьяне, продолжающие вести индивидуальное хозяйство, стали еще беднее. Показателем снижения состоятельности единоличников явилось и уменьшение суммы начисляемого на хозяйство сельхозналога (со 166 руб. 40 коп. в 1935 г. до 130 руб. 52

коп. в 1936 г.). Но и этот налог, а также другие подати и повинности большинство крестьян выполнить не могло, что вызывало рост безнадежной недоимочности. Вследствие этого местные власти несколько снизили экономическое давление на единоличников (53).

Низменным был оставлен порядок обложения единоличных дворов сельхозналогом, культсбором, самообложением и окладным страхованием. Более того, в 1937 г. произошла некоторая либерализация налогового законодательства. Как указывалось выше, отменялся административный порядок наложения штрафов на единоличников и других налогоплательщиков и конфискации у них имущества. Вновь был расширен перечень имущества, которое не подлежало конфискации в погашение недоимок по денежным и натуральным налогам и податям. У единоличников запрещалось изымать в погашение недоимок жилой дом и хозяйственные постройки, одежду, обувь, домашнюю утварь и т.п. предметы, «служащие для личного пользования недоимщика и его семьи», детские принадлежности, продукты питания в количестве, необходимом до нового урожая, средства, полученные семьей должника по линии социального обеспечения, единственную корову, а при ее отсутствии – телку (54). Данный перечень действовал и в отношении колхозных дворов, но у них не подлежали конфискации еще и домашняя птица, а также овцы, козы и свиньи в пределах половинной нормы их содержания, предусмотренной Уставом сельхозартели для данного района. (СЗ СССР. 1937. №30. Ст. 120). Более растянутыми по времени стали обязательные сроки уплаты сельхозналога (20% оклада - до 1 сентября, 20% - до 1 октября, 35% - до 15 ноября, 25% - до 15 декабря). Размер пени, начисляемой на хозяйства единоличников и колхозников, снизился до 0,1% за день просрочки платежа. Пеня, начисляемая на хозяйства, облагаемые в индивидуальном порядке, составляла 1%. Самообложение единоличников стало производиться по твердым ставкам. Предельные размеры взносов для хозяйств без полевых посевов и рабочего скота составляли 40 руб., для хозяйств с таковыми - 75 руб. От уплаты денежных налогов и сборов освобождались единоличники и колхозники, нетрудоспособные ввиду преклонного возраста (60 лет и более) и не имеющие в своих семьях других трудоспособных членов (55).

Воспользовавшись передышкой, крестьяне-единоличники в очередной раз смогли адаптироваться к сложившейся ситуации. Но

относительная передышка была недолгой. Лидеры большевистского режима расценили замедление темпов коллективизации как совершенно недопустимое и потребовали перейти к окончательному штурму единоличного сектора экономики советской деревни (56). В апреле 1938 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР принимают постановление, в котором местные власти обязывались покончить с «противогосударственной и противоколхозной практикой попустительства в отношении единоличника и строго следить за точным выполнением единоличными хозяйствами всех государственных обязательств по налогам, зернопоставкам, мясопоставкам и т.д.» (57).

В июле того же года СНК СССР в 7 раз поднимает сумму обязательных страховых взносов на рабочих лошадей в единоличных хозяйствах.

В августе 1938 г. Верховный Совет СССР «ввиду того, что, по свидетельству колхозников, лошади в единоличных крестьянских хозяйствах обычно используются не для сельхозработ в своем хозяйстве, а в целях спекулятивной наживы», ввел «особый» государственный налог на лошадей, принадлежавших единоличникам (58). Налог имел две ставки обложения: первая - 400 руб. за одну лошадь старше 3-х и 700 руб. - за каждую последующую, вторая - 500 и 800 руб. соответственно. Более высокая ставка вводилась в пригородных районах и районах с большим количеством лошадей в единоличных хозяйствах. Причитающуюся налоговую сумму следовало внести до 1 октября. Продажа лошади после опубликования Закона о госналоге не являлась основанием для освобождения от его уплаты. В то же время налог не платили единоличники, до 1 октября вступившие в колхоз и сдавшие туда свою лошадь. Помимо уплаты специального налога, вмененный доход от лошади продолжал включаться в облагаемую базу сельскохозяйственного налога.

Других новаций в налоговое законодательство в 1938 г. внесено не было. Однако и принятые акты дали ожидаемый эффект. Количество единоличных дворов Чкаловской области резко сократилось, составив к 1 июля 1939 г. всего 2%. Таким образом, налоговая политика большевистского режима к началу 1940-х гг. привела к ликвидации индивидуального крестьянского хозяйства. Подобное обстоятельство стало закономерным результатом действия налогового прессы 1930-х гг., когда существование индивидуального хозяйства становилось

экономически невыгодным, а политически – опасным, поскольку за каждым не вошедшем в колхоз хозяйством укрепилось название «кулацкое» и с ним поступали как с эксплуататорским хозяйством. В этом смысле усиление налогового пресса было тождественно процессу раскулачивания на всем протяжении 1930-х гг. На наш взгляд, эволюцию данных процессов убедительно показал уральский историк В.А. Лабузов в одной из последних своих монографий (59). Государство, в лице своих налоговых органов, четко и однозначно заявило, что индивидуальному крестьянскому хозяйству нет места среди строителей нового социалистического общества, и оно сделало все, чтобы данные категории крестьян ушли в историю навсегда.

1. Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 117-118.
2. Там же. С. 118.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). М., 1967. С. 285.
4. Ильиных В.А. Сельскохозяйственная кампания 1931 г.: в поисках кулаков // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2000. №2. С. 54-59.
5. Залесский М.Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940. С. 123.
6. Там же.
7. Плотников К.Н. Указ. соч. С. 119.
8. Плотников К.Н. Указ. соч. С. 119.
9. Марьяхин Г.Л. Налоговая система СССР. М., 1952. С. 49.
10. Лифшиц М. Коллективизация и сельхозналог // Большевик. 1932. № 7-8. С. 23-38.
11. Залесский М.Я. Указ. соч. С. 88.
12. Там же. С. 163.
13. Там же. С. 201.
14. Марьяхин Г.Л. Указ. соч. С. 81.
15. Налог взимался в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г. СЗ СССР. 1936. № 40. Ст.340. Подробнее об этом см. Плотников К.Н. Указ. соч. С. 123.
16. Уплата единого рыболовного сбора с колхозов регулировалась постановлениями ЦИК и СНК СССР от 23 апреля 1930 г. (СЗ СССР. 1930. № 24. Ст. 260), от 2 сентября 1930 г. (Там же. 1930. № 47. Ст. 484), от 5 марта 1935 г. (1935. № 13. Ст. 101), от 7 августа 1935 г. Там же. № 44. Ст. 364. Подробнее об этом см. Залесский М.Я. Указ. соч. С. 156.
17. Залесский М.Я. Указ. соч. С. 157.
18. Ивницкий Н.А. Раскулачивание // Советский Союз. 1990. № 36.
19. Там же.

20. Марьяхин Г.Л. Указ.соч.С.78.
21. Там же.
22. Марьяхин Г.Л. Указ. соч. С. 111.
23. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 28.
24. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 6. Д. 75. Л. 103.
25. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 50. Л. 18.
26. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 31.
27. Залесский М.Я. Указ. соч. С. 185.
28. Там же. С.187.
29. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 93.
30. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 153.
31. ГАОО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1866. Л. 151.
32. ГАОО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1712. Л. 13.
33. Там же.
34. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 153.
35. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 154.
36. Плотников К.Н. Указ. соч. С. 163.
37. Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» // Отечественная история. 1996. №6. С. 15.
38. Там же.
39. Никольский С.А. Аграрный курс России (Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ с социально-историческом, экономическом и философском контекстах). М., 2003. С. 186-187.
40. Плотников К.Н. Указ .соч. С. 189.
41. Никольский С.А. Указ. соч. С. 163.
42. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 351.
43. Очерки экономических реформ / Отв. ред. Ю.Ф. Воробьев М., 1993. С. 212, 228.
44. Плотников К.Н. Указ. соч. С. 185.
45. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 6. Д. 87. Л. 199.
46. Там же.
47. Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1934 г. "О взыскании выполненных в срок единоличными хозяйствами государственных обязательств натуральных поставок и денежных платежей и о конфискации имущества по суду» (СЗ СССР. 1934. № 48 Ст. 370). Согласно существующим до принятия данного постановления нормам (Положение о взыскании налогов и неналоговых платежей, утвержденное ЦИК 17 сентября 1932 г. Там же. 1932. «69. Ст. 4106) у трудовых единоличных крестьянских хозяйств запрещалось конфисковать также «живой и мертвый инвентарь в количестве, необходимом для ведения» сельскохозяйственного производства, хозяйственные постройки, «составляющие неотъемлемую принадлежность» этого производства, запасы продовольствия в размерах, необходимых до нового урожая, семена для посева текущего года, скот, который нужен «для

сохранения хозяйства», корма для него «в количестве, необходимом до сбора новых кормов», не снятый урожай, паевый взнос в кооперативы, страховое возмещение по обязательному страхованию.

48. ГАОО. Ф. 2492. Оп. 1. Д. 10. Л. 26.

49. ГАОО. Ф. 2492. Оп. 1. Д. 10. Л. 93.

50. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 317.

51. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 135.

52. ГАОО. Ф. 2492. Оп. 1. Д. 10. Л. 117.

53. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 6. Д. 75. Л. 33.

54. Очерки экономических реформ... С.214.

55. Никольский С.А. Указ. соч. С. 181.

56. Там же. С. 169.

57. Залесский М.Я. Указ. соч. С. 106.

58. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 664. Л. 71.

59. Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти. Оренбург, 2004. С. 446-450.

**Павлова О.В.
(Екатеринбург)**

Беспризорность на Урале в 1919 – 1925 гг.

В 1990-е – начале 2000-х гг. одной из наиболее актуальных проблем общества стала детская беспризорность, приобретающая значительные размеры. Дети скапливаются на вокзалах, рынках, вблизи столовых и продуктовых магазинов. Попрошайничество и воровство стали способом их выживания. Однако, эта проблема не новая. В начале 1920-х годов когда советское правительство столкнулось с ней, беспризорность стала массовым явлением. Эти годы, годы сильнейших социальных потрясений, вызвали появление мощной волны беспризорных детей, которые двигались в различных направлениях по стране, скапливались в крупных промышленных центрах, на узловых железнодорожных станциях. Одним из мест, где численность беспризорных детей достигла критического максимума, стал Урал.

До настоящего времени целый ряд проблем, связанных с детской беспризорностью 1920-х годов остается неизученным. Автор данной статьи попытался частично восполнить этот пробел и на основе анализа документальных материалов исследовать масштабы